

И. В. Слюкина

**Игра в художественном мире «Звезды Соломона»
А. И. Куприна**

Исследователи уже отмечали важную роль мотива игры (герой как игрушка в руках Тоффеля) в «Звезде Соломона». Представляется, что этот мотив выполняет центральную структурообразующую и концептуальную функцию в повести Куприна. Прежде всего, обращает на себя внимание авторская «игра» легко узнаваемыми жанровыми моделями и сюжетными ситуациями. Куприн намеренно играет ними, каждый раз обманывая ожидания читателя. Так, в начале повести функционирует интертекст «Шинели» Н.В. Гоголя, настраивая читателя на повествование о судьбе «маленького человека». Однако эти ожидания не оправдываются, по-

скольку сюжет начинает развиваться по законам жанра «таинственной повести»: действие перемещается в отдаленное *заброшенное имение*, куда герой, неожиданно получивший наследство, приезжает *поздним вечером*. Все детали интерьера *пустынного, разрушающегося* дома и особенно кабинета умершего дяди-алхимика (*черная палочка, один из концов которой обвивала золотая змейка с рубиновыми глазами; шар величиною в крупное яблоко из полупрозрачного камня*), наступающая *ночь*, казалось бы, предвещают *ужасные события*. Но Куприн вновь обманывает ожидания читателя: герой не только не подвергается в них, но, напротив, обретает невиданную власть – каждое его желание тут же исполняется.

Это заставляет вспомнить новеллу Ф. Сологуба «Маленький человек», где маленький во всех смыслах человечек (чиновник Саранин) получает от черта чудодейственные капли, но неудачно ими распоряжается. Однако основным претекстом с этого момента, с которым «играет» писатель, оказывается «Фауст» Гете. И. П. Поборча полагает, что «в образе Ивана Цвета предстает скорее анти-Фауст, человек, лишенный познавательного интереса и жизненной активности. Именно такого героя автор ставит перед проблемой выбора». Добавим, что и образ искушающего его Мефодия Исаевича Тоффеля хотя и подчеркнуто интертекстуален, далек от оригинала. В портрет Тоффеля автор вводит детали и сравнения (например, «в виде маленьких рожек», «с козлиными ноздрями»), которые подсказывают, что это черт. Начальные буквы его имени, отчества и фамилии вызывают ассоциации с Мефистофелем. Однако сам он в конце повести говорит: «Вас смущает Меф. Ис... – начальные слоги моего имени, отчества и фамилии?.. Нет, мой друг, куда мне до такой знатной особы. Мы – существа маленькие, служилые...».

Мефистофелю нужно было испытать Фауста и выявить все его сокровенные стремления, он был искусителем и исполнителем желаний. У Куприна же черт появляется исключительно для достижения своей собственной цели – ему было необходимо, чтобы Цвет разгадал тайну, освобождающего его от старинного заклатья.

Г. В. Якушева полагает, что в гетевской паре Фауст–Мефистофель с самого начала и до конца ведущей фигурой является Фауст, а ведомой – Мефистофель. Анализ повести Куприна свидетельствует о совершенно другом *распределении ролей* между героем и искусителем: у Цвета по сути нет никаких желаний

(кроме небольшого повышения по службе), он ведом Тоффелем, все время создающим ситуации, в которых герой мог бы вспомнить заветное слово.

Судя по всему, одним из главных вопросов, интересующих автора, становится вопрос о предопределении судьбы человека. В связи с этим важным оказывается *мотив случая*, ведь все события в повести происходят случайно: именно в тот вечер Цвет *случайно* выпил немного больше, чем обычно, *случайно* забыл запереть дверь в своей комнате, *случайно* получает власть над *случаем*. Однако очевидно, что именно эти случайности являются главными в произведении, на них и построен сюжет. Мотив *случая* связан с мотивом *судьбы*, которая *играет* человеком: «Вот это *случай* – так *случай* – снисходительно одобрил Цвет *судьбу* или что другое, неведомое», «Временами испытывал тоскливую покорность *судьбе* и *бессилие перед неизбежным*».

Важно и то, что Иван Цвет разгадывает таинственное слово тоже *играючи*, совершенно простым способом: доверившись интуиции, он пересматривает квадратики на свет. Эта мысль не могла прийти в голову его предшественникам – углубленным в науку мудрецам и алхимикам. Тем самым Куприн выражает предположение, что наука вряд ли поможет подобраться к тайне человеческого бытия и ответить на вопрос: «Кто же крутит нашу жизненную ленту?».